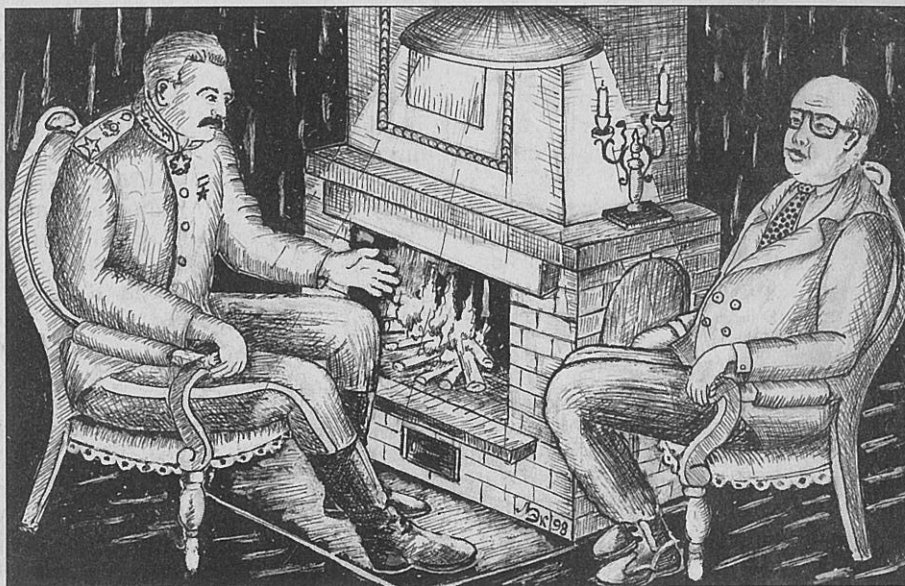

Продолжаем печатать фрагменты из последних глав экскурсионного эссе Льва Экономова "Наедине с загадочным Сталиным".

В двух предыдущих номерах журнала рассказывалось о неожиданном-негаданном появлении НЛО и бывшего Вождя народов Советского Союза в загородной, недоступной для посторонних, зоне, где находится гостевой дом обкома партии, о реакции секретаря обкома на "визит из прошлого" — ведь с «того света» до сих пор никто не возвращался, о его тревожных раздумьях, связанных как с обстановкой в нашей стране, так и с необычным известием о более чем странной "судьбе" Иосифа Виссарионовича после его предполагаемой всеми смерти и "похорон" в 1953 год.

О том, как разворачивались события дальше и пойдет речь в предлагаемых ниже фрагментах.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОСТЕВОМ ДОМЕ

Не хвали того, чего не вправе ругать

Старая мудрость

Разные люди по разному смотрят на одно и то же явление

"Собеседник"

Освещенный лежавшим в снегу фонарем, товарищ Сталин стоял передо мной как нерукотворное изваяние, и слегка, будто про себя, улыбался. Я тоже хотел улыбнуться, но ничего не вышло: не мог даже пошевелить губами. Все казалось непостижимым. Неужели этот гость из прошлого станет гостем из будущего. Я по-прежнему не отрывал от вождя глаз и, конечно, не заметил тогда никаких изъянов в его внешности, какие теперь любят подчеркивать демократы-бумагомаратели в своих однобоких творениях о нем, пытаюсь доказать, что даже внешне Иосиф Виссарионович был невзрачен, и это, будто бы, тоже отрицательно сказалось на темпах развития нашего социалистического государства. «Он маленький, невымытый и рябой», — задыхаясь от бессильной злобы, сказал один поэт. То, что товарищ Сталин переболел в детстве оспой, известно, и над этим не смеются порядочные люди, равно как и над ростом человека. Это, как говорится, от Бога. А то, что вождь «немытый», вызывает жалость к ущербности мышления нашего барда, которого теперь поднимают до небес и осыпают премиями. Вот сам он (кстати, ростом меньше Сталина), кажется мне, очень нуждается в бане. А тем, кто утверждает, что величина интеллекта пропорциональна росту человека, сле-

довало бы знать, что небольшого роста были Наполеон, Эйнштейн, Пикассо, Пушкин. Я намеренно назвал людей разных профессиональных интересов и направлений, и все они, как известно, были не дурнее этого сочинителя с его салонными песенками под гитару и не ахти какими повестушками.

В ту минуту мне виделось в вожде что-то величественное, даже царское. И вместе с тем вызывающее чувство смутной тревоги, беспокойного страха. Я испытывал какую-то неосознанную жуткость.

— Товарищ Сталин! Иосиф Виссарионович! — с запозданием вырвалось из моей груди. Но я почти не слышал своего голоса. Горло сдавило спазмом. Такого я никогда не испытывал. Хотелось еще что-то сказать, но язык словно прилип к горлу. Я потерял дар речи, хотя и отдавал себе отчет в том, что происходит что-то нелепое, не укладывающееся в рамки детерминистской реальности. И это меня больше всего тревожило, даже пугало. Я действительно опасался за свой рассудок. Мне казалось, что я на грани сумасшествия. Хотелось прикоснуться к стоявшему передо мной человеку, потому что все мы, в первую очередь, доверяемся собственному ощущению. Мои руки простерлись вперед, как простирались руки страждущих к мифическо-

му Спасителю, но в следующее мгновение опустились по швам, и я принял стойку «смирно», ожидая ответной реакции. В те минуты я хотел и боялся верить в реальность встречи с человеком, которого мы боготворили на протяжении многих лет. Это необыкновенное явление как-то не увязывалось с принципами диалектического материализма.

— Что же мы тут стоим, на ветру, на холоде, — сказал товарищ Сталин, взяв инициативу в свои руки.

— Я проделал немалый путь, мог и устать с дороги.

— Извините, пожалуйста, за мою растерянность и недогадливость. Извините, извините, — залепетал я.

— Не надо теряться. Ни при каких обстоятельствах. От растерянности людей — все их беды.

— Да, конечно.

— Ну, так ведите к себе.

Я поднял фонарик и указал на стоявший на кособокой горе особняк с освещенными на первом этаже витражными окнами, бросавшими разноцветные пятна света на снег.

— Пожалуйста, проходите, там все для вашего отдыха. Будет удобно. Если пожелаете, то расскажете о себе: как мог случиться такой, с позволения сказать, сверхъестественный феномен. Ведь это же чудо, а чудо — явление, противоречащее законам природы.

Я еще что-то лепетал в этом же роде, превозмогая ватность в ногах, когда следовал за товарищем Сталиным по взгорку к дому. Я никак не мог представить подлинность происходящего, у меня по-прежнему не было уверенности и в том, что передо мной — настоящий, всамделишный Иосиф Виссарионович. Но, так или иначе, а условия игры я вынужден был принять. Хотелось как можно быстрее выяснить все до конца.

— Чудо только тогда кажется таковым и удивляет своей необычностью, когда человек не нашел объяснения тем или иным явлениям природы, — заметил товарищ Сталин. — А наука и техника развенчивают все чудеса. И они же во главе с людьми, овладевшими техникой, могут и должны творить новые чудеса. Не так ли?

Я сказал в ответ, что хорошо помню эти замечательные слова товарища Сталина. И всегда руководствовался ими в своей жизни.

— Но, простите, я все-таки не могу взять в толк, каким образом вы здравствуете после того, что произошло с вами в пятьдесят третьем, свидетелем чего была вся наша страна.

Я выражался косноязычно, язык мой плохо ворочался, но не находил более подходящих слов.

— Извините, конечно, что я позволяю себе говорить такое, но ваш уход, — почему-то я не осмелился сказать «смерть», — оплакивал весь мир. Все видели вас в Мавзолее, в хрустальном саркофаге, рядом с Лениным.

Товарищ Сталин снова усмехнулся в усы:

— Это был не я, а мой двойник.

У меня при этих его словах, как говорится, отвисла челюсть. Я даже остановился. Сказанное им не укладывалось в моем сознании, хотя о двойниках Иосифа Виссарионовича, как мною уже говорилось, я тоже не раз слышал, а потом и читал.

— Успокойтесь, возьмите себя в руки. Вы в здравом уме. Вы не ошиблись. Перед вами — не привидение, не оборотень, не двойник, а ваш Секретарь партии Сталин, — сказал мне шедший рядом со мной человек размеренным, глуховатым низким голосом. Этот очень своеобразный голос Иосифа Виссарионовича мне был так хорошо знаком по его впечатляющим, транслировавшимся по радио выступлениям.

Его нельзя было спутать ни с каким другим. Он часто звучал в моих ушах и после смерти нашего вождя, когда я ставил на проигрыватель пластинку с его речью. Я иногда слышу его и теперь, как бы в подсознании, когда надо посоветоваться по какому-либо важному делу, как советовался сам товарищ Сталин с мертвым Лениным в судьбоносные для страны времена, спускаясь к его хрустальному саркофагу в Мавзолее.

— Но как же?! Каким образом?!

Мне так хотелось верить в его появление на нашей Земле.

И тут вождь снова заговорил, словно прочитав мои мысли:

— Да, я — Сталин. И если вы обладаете материалистическим

мировоззрением, — а я в этом не сомневаюсь, — то должны принимать меня как объективно существующее явление, как данность.

Я согласно кивнул, не в силах вымолвить слова, хотя мне и трудно было принимать Сталина «как объективно существующее явление, как данность».

— Теперь представьте мне, — молвил товарищ Сталин. — С кем имею честь...

Я сказал, что являюсь секретарем обкома партии и председателем облисполкома:

— Подкидной моя фамилия. Сталь Мухтарович.

— Интересное имя, — покачал головой Иосиф Виссарионович.

— Так меня называли в вашу честь.

— Не жалеете об этом?

— Наоборот. Горжусь.

— Родители ваши, видимо, были достойными людьми, раз так называли вас. Нет, нет, я не настолько себялюбив, чтобы думать, будто они дали вам это имя, обожествляя мою личность. Они, полагаю, отождествляли его с идеями, которые я претворял в жизнь. Не так ли? Хотели, чтобы вы стали продолжателем того дела, которому я посвятил себя. И, судя по занимаемой вами должности, вашему положению, я, что называется, попал в яблочко. Что же вы молчите? Отвечайте.

Что я мог сказать товарищу Сталину?

Прежде всего, должен заметить: мои убеждения кристаллизировались на фактах реальной жизни, под неумолчный грохот победоносных пятилеток, который, как утверждают теперь некоторые, заглушал все живое вокруг. А я бы этого не сказал. Да, мы не отделяли себя от века, от нашей страны и ее поступи в прекрасное будущее, не отгораживались друг от друга, не замыкались, жили «сплошной лихорадкой буден». Но это вовсе не значит, что мы были глухи к

движениям страны, к удовлетворениям внутренних потребностей. Они базировались на высокой морали, на дружелюбии и отзывчивости, чего теперь становится все меньше и меньше. И чего так не хватает нашей молодежи.

Не буду здесь рассказывать о своем пути «через тернии к звездам» в прямом и переносном смысле. Замечу только, что достигнутого положения мне удалось добиться благодаря своей целеустремленности и непоколебимой вере в грядущее царство коммунизма.

Коснусь лишь своего детства, то есть той поры, когда человек начинает формироваться духовно, о чем никогда не забывали наши вожди. Впрочем, не только наши...

Увы, мне не удалось узнать своих родителей. Кем они были по социальной принадлежности, по складу характера, как выглядели? И живы ли сейчас — мне тоже неизвестно. Скорее всего, умерли, или же их кто-то отправил на тот свет. Почему решили отделаться от меня, оставив в трескучие декабрьские морозы в бельевой корзине на вокзале без какой-либо записки? Так мне потом уже, повзрослевшему, рассказывала нянечка детского дома, куда я попал. А может, это и не они сделали, а кто-то другой?

Ответов на эти вопросы у меня нет. Мучила ли их совесть потом? Пытались ли искать меня или хотя бы что-то узнать о своем сыне? А мне так хотелось встретиться с ними даже спустя многие годы, услышать родные голоса или увидеть их хотя бы во сне. Зов крови — так, кажется, это называется.

Чтобы как-то примириться с судьбой и не казаться себе отверженным, я убеждал себя в том, что родители мои не могли поступить как-то иначе. Видно, обстоятельства их заставили расстаться со мной таким образом и тем самым спасти свою и мою жизнь.

Но иногда меня одолевают горькие мысли, навеянные сегодняшним паскудным временем. Может, моя родительница была женщиной легкого поведения, не знала, от кого зачала и отделалась от меня при первой же возможности, как это делают теперь многие женщины определенного пошиба, а также несовершеннолетние, оставляя детей в роддомах. Таких, к сожалению, становится все больше и больше из-за вопиющего положения дел в нашем тяжело больном обществе. Но я гнал от себя эти нехорошие мысли, а они вдруг снова возвращались и портили мне жизнь.

Русские философы говорят: «Гордись только тем, что ты сделал до своего рождения». Конечно же, тут подразумеваются родители. В них — наши корни. И, если они плохи, то и в нас мало хорошего. Я считал и продолжаю считать, что как человек, как личность состоялся, значит, во мне тоже много от состоявшихся родителей. И это меня примиряло с суровой действительностью.

А родителей мне заменяли воспитатели детского дома. Они несли за меня социальную и моральную ответственность. От них получил я и имя свое, а точнее — от директрисы Новеллы Сидоровны. У нее, кстати сказать, было такое же отчество, как и у главного охранника товарища Сталина — Власика. Она знала это и кому-то сказала, что является его сестрой. Так ли

это — не знаю, но то, что она претендовала на родственные узы с одним из влиятельных сановников Кремля, дорого ей обошлось впоследствии, когда Власика арестовали как врага народа.

Женщина она была энергичная до самозабвения, когда-то окончила курсы Лесгафта, участвовала в революции, ходила в белом кепаре с огромным козырьком и в сапогах со скрипом, не выпускала изо рта папиросы и пила водку вместе с завхозом Гробовым. Детдомовцам это нравилось, и мы тоже втихую покуривали, подбирая на улице чинарики. Случалось, и завхоз угощал, говоря: «Дети — наше будущее. Они должны брать с нас пример».

Директриса презирала мешанство и связанные с ним блага, уют, достаток, довольство, ссылаясь при этом не непритязательность быта наших вождей, на аскетизм Ленина и Сталина, с гордостью называла себя бомбисткой, а по натуре своей была романтической чудачкой, если не сказать больше. Обладая неукротимой, маниакальной приверженностью к тому, что происходило в нашей стране, она внушала нам, что товарищ Сталин для всех нас является своего рода ангелом-хранителем. Ей казалось, что мы находимся под его защитой и покровительством. Говорили, что портрет вождя она носила в своем медальоне и в трудные минуты тоже мысленно обращалась к нему за советом. И он будто бы подсказывал ей, как надо поступить в том или ином случае. Позже и я так поступал и, мне казалось, это приносило свои плоды.

Несмотря на то, что российские святцы содержат более семисот имен, нашей директрисе этого оказалось мало. Она обожала давать прибывшим в детский дом беспризорникам прогрессивные, связанные с новой идеологией, имена: Октябрин (Октябрьская революция), Ревмира (революция мира), Диамара (диалектический материализм), Гертруда (Герой труда), Боркомин (борец коммунистического интернационала) и даже Даздраперма (да здравствует Первое мая!), Это были имена символов революционного преобразования мира. Помню, однажды кто-то из ребят в гневе назвал эту девчущку Драздапердой и был наказан директрисой — его не взяли в поход по местам боев Красной армии с классовым врагом во время Гражданской войны. Были имена, отражающие первые этапы индустриализации и политизации: Вольфрам, Тракторина, Индустрия, Конституция, Идея, Электрина, Диктатура, Авангард, а также дети с именами, производными от имен и фамилий наших вождей: Вил (Владимир Ильич Ленин), Владлен (Владимир Ленин), Лен (Ленин), Вилорик (Владимир Ильич Ленин — организатор рабочих и крестьян).

Когда фантазия директрисы на выдумки такого рода иссякла, она стала присваивать детям имена наших вождей, героев революции и труда, а также героев из произведений, воспевавших революцию.

Был у нас Клим (имя Ворошилова), был Лазарь (от Кагановича), Лаврик (от Берия), Павлик (от пионера Павлика Морозова, донесшего властям на отца, который не хотел отдать хлеб государству. В память об этом мальчике-патриоте возле нашего детского дома даже был установлен обелиск, и сам дом наш на-

звался именем Павлика Морозова). А нашим любимым героем стал Павка Корчагин из романа Островского «Как закалялась сталь». Помню, как восторгался мы его смелым поступком, когда он, будучи пацаном, насыпал в паскальное тесто — для кулича священнику, преподававшему в школе закон Божий — махорку.

По прихоти директрисы я и получил громкое имя Сталь, не думаю, что она имела в виду деятеля российского революционного движения, участника революции 1905 и 1917 годов Людвиг Сталья, встречавшего вместе с Каменевым, Сталиным, Коллонтай и другими революционерами вернувшегося из Цюриха Ленина на Финском вокзале в 1917 году.

Своим именем я, действительно, очень гордился и всю жизнь старался соответствовать вождю по мере своих сил и возможностей, даже подражал в чем-то. Став взрослым, обзавелся трубочкой и набивал ее табаком от папирос с нелепым названием «Герцеговина Флор». Это впечатляло. В разговоре с кем-то неспешно ходил по комнате, а, садясь на виду у всех, скрепчивал ступни ног, упираясь ладонями рук на раздвинутые колени. И голос свой намеренно глушил. А потом кто-то из возмущающихся заметил мне, что товарищ Сталин не любит, когда его так откровенно копируют, и я стал подавлять в себе заимствованные от него привычки и манеру поведения.

А внешне я походил на завхоза нашего детского дома, самолюбивого и амбициозного, вечно пребывавшего под хмельком Мухтара Гробового, сожителя Новеллы Сидоровны. Что их объединяло, мне неизвестно. Его фамилию мне чуть было не приклепали к нескazanной радости завхоза. Но воспитатели воспротивились, и, памятуя о том, как я попал в детдом, нарекли меня Подкидным. Тоже не Бог весть какая фамилия. Но некоторые находили в ней нечто символическое и даже загадочное. Однако завхоз почему-то упорно называл меня Гробовым, старался опекать, сделал мне самопал, чтобы стрелять по воронам, которые устраивали набеги на плантации нашего детского дома, научил драться, а потом и выпивать. Так что я спуску никому не давал.

Была ли Новелла Сидоровна до конца искренней, когда давала нам такие имена — не знаю. Может, и лукавила где-то. Лукавство в людях тогда тоже наблюдалось. Оно избавляло от многих неприятностей. А позже я узнал от завхоза (он по пьянке проболтался), что директриса называла именами вождей детей репатриированных родителей. С этими именами ребят не отправляли в специальные детские дома — колонии, как это случалось в то время по вине Ежова и Берия.

Вообще же, чего-то сугубо личного или семейно-домашнего во мне нет. И в памяти от детства остались лишь общее казенное жильё в длинном бараке с печами «буржуйками» в обоих концах из железных бочек, ряды двухэтажных коек, невзрачная форма из блеклой зеленоватой застиранной фланели. Все мы были наголо острижены, чтобы не заводились вши, и ходили в одинаковых пальтишках с узкими, почти симво-

лическими полосками воротников из искусственного серого бобрика.

И игры там были немудреные: деревянные кубики, из которых можно было выложить Мавзолей Ленина, башни Кремля со звездами, Герб Советского Союза. Были еще вырезанные из фанеры лошадиные головы на длинных палках, оседлав которые, мы играли в войну — в «красных» и «белых», размахивая деревянными саблями.

Школа-семилетка находилась на территории детдома, в ней же мы и столовались.

Остались в памяти культпоходы в музей, на выставку, в баню, в парк культуры и отдыха, в кино и театр, где с неослабеваемым интересом и по много раз мы могли смотреть спектакли по пьесам Маяковского и Горького.

И еще запомнились военно-химические турниры: бег со связанными ногами или в мешках, ходьба на лыжах, уход за «ранеными» и «больными». И все это в противогазах. В качестве премий выдавались популярная военно-химическая литература, противонеприятные пакеты, учебные наборы отравляющих веществ. Нас упорно готовили к труду и обороне страны Советов, на которую зарились капиталисты и ждали подходящего случая, чтобы напасть на нас.

Маршировали по городу строем, под барабанный бой (я был барабанщиком), с гордостью носили красные пионерские галстуки, памятуя о том, что мы являемся «Детской коммунистической организацией им. В.И.Ленина» и на призыв старших: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» мы дружно отвечали: «Всегда готовы!». И это не было пустыми словами. Мы горели желанием сокрушить врагов нашего строя и не сомневались в победе.

Прохожие останавливались посмотреть, как мы лихо вышагивали, высоко задрав головы в испанках с кисточками, и пели с присвистом: «Эх, хорошо в стране советской жить!» или «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне — остановка», а то и позалихвастее: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

О вере в «мировой пожар», с помощью которого мы надеялись дотла выжечь капитализм, мне хотелось бы сказать особо. Эта надежда нас окрыляла, делала счастливыми. Мы искренне верили, что «нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Эти слова из Гимна Советского Союза для меня не были метафоричны, как теперь пытаются внушить нам, выпячивая к месту и не к месту какие-то приказы Сталина о том, что уголовной ответственности, вплоть до расстрела, будто бы подлежали дети, начиная с двенадцати лет. Я не слышал, чтобы кого-то расстреляли из детей. Если это кем-то и декларировалось, то исключительно для острстки. И думаю, что помогало. По крайней мере, среди детей не было ни вымогателей, ни килеров, которые появились в наше время и успешно орудуют.

Да, мы считали себя счастливыми. Государство нас бесплатно кормило, поило, одевало, учило. Мы не чувствовали себя обделенными, хотя и нельзя сказать, что было всего достаточно. Сахар считался деликатесом, а о существовании винограда, персиков, бананов

мы знали только по книгам и картинам. Но верили, что, благодаря товарищу Сталину, у нас скоро все это будет в изобилии.

Не зря же Ленин назвал Иосифа Виссарионовича в одном из писем к Горькому «чудесным грузином».

«Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин, — говорил Мирон Киров. — С того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой».

Когда Кирова убили в тридцать четвертом, наша директриса назвала одного мальчика Киром, а девочку — Кирой.

Высоко отзывались о Сталине и писатели. И наши, и зарубежные. Рабоче-крестьянский граф Алексей Толстой в своем романе «Хлеб» показал, что разгром белой армии под Царицыным в 1919 году произошел под мудрым предводительством товарища Сталина.

«Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя, Иосифа Сталина, навсегда освобождают человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого», — сказал замечательный пролетарский писатель и гуманист, верный друг большевистской партии и рабочего класса, патриарх социалистического реализма Максим Горький. Его слова: «Если враг не сдается, его уничтожают» стали крылатыми, нашим девизом в борьбе с классовыми и идейными противниками.

Кстати, даже наши лютые враги вынуждены были признать гениальность товарища Сталина. «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина, — сказал Гитлер, — по своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Не тут-то было! Не раздробили.

И только теперь, когда товарища Сталина не стало, мечта повергнутого нами фашиста номер один стала, как это ни парадоксально, сбываться...

Товарищу Сталину безгранично верили и те, кого кэ-гэбисты Ягода, Ежов и Берия посылали на эшафот. Погибая, герой гражданской войны командарм Иона Якир крикнул расстрельщикам: «Да здравствует Сталин!».

И не зря же о вожде слагали в народе песни, в одной из которых есть и такие, воистину вещие слова:

*Он — опора бедных людей.
Он собрал в себе слезы веков.
Он собрал в себе горе веков.
Он собрал в себе радость веков.
Он собрал в себе мудрость веков.
Он собрал в себе силу веков.
Он, как утро, над миром встает,
Его Сталиным мир зовет.*

А вспомним крылатые лозунги:

*«Сталин — ближайший соратник Ленина»,
«Сталин — великий продолжатель Ленина»,
«Сталин — это Ленин сегодня»,
«Партия Ленина — Сталина»,
«Великое учение Маркса, Энгельса,
Ленина, Сталина».*

Нет, это не пустые слова, как теперь считают те, кто поносит Иосифа Виссарионовича, который называл себя верным учеником Ленина.

Да, он внушал советскому народу непоколебимую веру в торжество социализма и коммунизма на Земле, веру, которая, увы, сильно пошатнулась у людей теперь, и многие уже отринули основополагающие труды марксизма-ленинизма, стали выбрасывать на свалку или сжигать сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, уподобляясь фашистам, которые, придя к власти в Германии, сжигали книги прогрессивных писателей, поэтов и философов.

С верой в справедливое общество, в коммунизм, когда не будет бедных и богатых, эксплуатируемых и эксплуататоров, мы преодолевали все трудности, меньше всего думая о материальном стимулировании своего труда, о наградах. Невиданная жизнеутверждающая атмосфера позволила нашему народу в считанные годы поднять разрушенное войнами народное хозяйство и выйти на передовые рубежи в мире.

Кстати, в то время считалось чуть ли не утопией воспитывать и учить детей в семье. Нам говорили, что такие дети не могут без помех врать в коммунизм, что семейное воспитание — пустая, если не сказать преступная растрата ценных для революции сил, издевательство над марксизмом. У нас даже лозунг висел: «Семья — опиум для рабочих детей».

А теперь пишут, что дети, воспитываемые в детских домах (и даже в неполных семьях) вырастают ущербными, забитыми, обозленными, что мать и отца неспособна заменить никакая государственная забота. Категорически не согласен с этим утверждением. Я себя ущербным никогда не считал, хотя и не знал родительской ласки. И комплексом неполноценности тоже не страдал. Во всем, сколько себя помню, был первым и верховодил сверстниками. Мне это нравилось. И постоять за себя умел. Когда один из воспитанников нашего дома, стремясь насолить мне в злую минуту, высказал предположение, что моя мать — распутная женщина, потаскушка, просто нагуляла меня по пьянке и принесла в корзине на вокзал, я его так отделал, что он оказался в больнице с переломанным носом и без одного глаза. Меня тогда чуть ли не уперли в колонию для несовершеннолетних, но тут заступился за меня наш врач, уверив законников, что я сделал это неосознанно, в психопатическом припадке (припадок у меня не было).

Да, я не любил и не люблю проигрывать, не признавал и не признаю сюсюканья и слонтяйства даже в любви.

*Нам
любовь
не рай да кущи,*

Нам
любовь
гудит про то,
Что опять
в работу пущен
Сердца
выстывший мотор.

И другие из нашего детского дома оказались хваткими, цепкими ребятами, не считали себя ущербными, тоже умели постоять за себя и свои интересы, все «вышли в люди», как было принято говорить в то время.

Живя под солнцем Сталинской конституции, которая давала право на труд, я уже в шестнадцать лет почувствовал себя вполне самостоятельным, что называется, «в свободном полете», а поэтому, стремясь к дальнейшему самоутверждению, убежал из детского дома и устроился сцепщиком вагонов на одной из железнодорожных станций закрытого города, потом — кузнецом. Найти меня было невозможно. Но продолжал и там «учиться, учиться и учиться». Конечно, приходилось нелегко, чего уж там. Случалось и с пустым брюхом ложиться спать, но во мне был неисчерпаемый запас энергии, и я горел коллективным энтузиазмом и верил в коммунизм, строя со всем народом его первую стадию — социализм — на основе тяжелой промышленности.

Я относил себя к людям нового, передового мышления.

Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Эти слова были для нас набатом. Его звуки гудели в наших сердцах ежедневно, ежечасно, ежеминутно, не переставая, когда мы поднимали разрушенную экономику чуть ли не с нулевой отметки, чтобы не быть поработанными и съеденными акулами мирового империализма.

Моя вера опирается на знания, которые я почерпнул из гениальных трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также из других, тоже весьма авторитетных источников.

Руководствуясь ими, я служил самой гуманной на Земле социалистической системе и убежден в том, что наши коммунистические идеалы — лучшие в мире. Они не придуманы фантастами, а базируются на вековечном стремлении человека к справедливому жизнеустройству, когда не будет принуждения, повелителей и подневольных, «вышестоящих» и «нижестоящих», на вере в добро и бескорыстие. Эти идеалы пришли к нам из далекого далека. Сначала они базировались на мифах и сказаниях глубокой старины, а потом на опыте отдельных сообществ. Вот как сказано о первохристианском коммунизме: «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного. И полагали к ногам Апостолов; и каждому доставалось, в чем кто имел нужду.» И хотя я, как и Меченый, не верю в Бога, но приве-

денная мною цитата из «Деяний» (4.34) говорит сама за себя.

Выходит, коммунистическая идея близка и христианству с его «догматами веры» и очевидными требованиями простых норм нравственности: «Не лги!», «Не укради!», «Не убий!», «Возлюби ближнего своего!» и т.д. ... Ведь это перекликается и с нашим Кодексом строителей коммунизма. Значит, не случайно некоторые церковники, в числе которых был и Патриарх Тихон, утверждают, что Христос был коммунистом в высочайшем понимании этого слова.

Да и религии Востока ставят интересы общества выше интересов личности, призывают к бескорыстию и искренности. Скажем, приверженцы кармы-йоги считают, что всякий человек должен интересоваться своей работой, меньше всего думая о материальном вознаграждении. Так они поступают и в жизни.

Платон, Томас Мор, Роберт Оуэн, Кампанелла, Прудон, Фурье, Сен-Симон, Низами, Рамачарака Бланки и многие другие известные миру мыслители и философы разных времен и народов критиковали идеализацию буржуазии. Они мечтали о таком бесклассовом обществе, в котором не будет социального неравенства и все станут жить, как братья и сестры, занимаясь плодотворным созидательным трудом, не возвышаясь один над другим, заботясь друг о друге, ничего не деля на «твое» и «мое». По их мнению, все средства производства будут общими и все станут подчиняться наработанным человечеством нравственным, а не иерархическим законам общежития, независимо от занимаемой должности, способности и талантов того или иного человека. И не случайно выдающимся представителям того утопического социализма — предшественникам марксизма, не только ставят на их родине бронзовые памятники, но и следуют их принципам, инициативам и начинаниям. Многие англичане считают, что из экспериментов Оуэна вырос впоследствии «научный социализм».

Заявляя о своей приверженности к идеалам коммунизма, хочу опереться и на слова нашего соотечественника, великого прозорливца Николая Васильевича Гоголя, показавшего в своих бессмертных произведениях беспросветную бедность и безысходность простого люда, придавленного чиновничье-бюрократическим аппаратом царской России: «...Многие только и грезят о том, — писал он, — как преобразовать все человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека; когда половина уже признала торжественно, что одно только христианство в силах это произвести; когда стали утверждать, что следует ближе ввести христов закон как в семейный, так и в государственный быт; когда стали даже поговаривать о том, чтобы все было общее — дома и земли».

И как тут не вспомнить мастерские, организованные Верой Павловной — героиней романа Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?», стоявшего на позициях материализма. Теперь он тоже не в чести дерьмократов-перевертышей, потому что подвергнут глубокому критическому анализу капиталистический строй, считая приход социализма неизбежным, обус-

ловленным всем развитием человечества, за что и был заключен царским правительством в Петропавловскую крепость, подвергнут гражданской казни и отправлен на каторгу в Сибирь.

Мое поколение в молодости зачитывалось замечательным произведением этого настоящего революционера-демократа, ученого, писателя, литературного критика. А теперешняя молодежь в своем большинстве его книг и в руках не держала.

Вот и другой русский писатель, граф Лев Николаевич Толстой, мечтал сравняться по уровню жизни и запросам с простым народом, чему активно сопротивлялась его жена — Софья Андреевна Берс.

Даже не симпатизировавший большевикам русский философ-идеалист, идейный противник марксизма и коммунизма Николай Александрович Бердяев, был сторонником бесклассового общества и отмечал, что в этом идеале содержится здоровая, верная понимания жизнь каждого человека, как служение не себе, а великому целому.

Назову и русского философа-богослова, Сергея Николаевича Булгакова, изгнанного из России в августе 1922 года вместе с другими известными людьми, составлявшими цвет русской интеллигенции, нашими горе-большевиками с красивыми псевдонимами. В одной из своих работ по христианской морали и экономической жизни он призывал не соблазняться личным обогащением, которое глушит духовную жизнь, а заботиться о материальном благополучии других, о духовной свободе.

Спонтанно проникались этой идеей и монахи, живущие общинами в монастырях и обителях, многие из которых являлись сокровищницами русской культуры и служили примером рациональной жизни для всех. Взять хотя бы обитателей Соловецкого монастыря. Находясь чуть ли не за Полярным кругом, они еще в XIX веке, благодаря единству интересов, трудолюбию и усердию выращивали пшеницу и арбузы. Нет, я не одобряю образа жизни монахов, отрешившихся от общественной жизни и всецело отдавшихся послушанию, как искуплению за какую-то вину, служению Богу, равно как и того, что они подсекали свою волю, не одобряю их аскетизма, который нередко тоже оказывался ложным. Среди монахов и других служителей религиозного культа немало было (да и теперь они есть) людей без стыда и совести, гомосексуалистов, педофилов и прочих развратников всех мастей и оттенков, на что иные церковные чины смотрели сквозь пальцы, потому что и сами прибегали к развратным действиям между собой и с прихожанами.

Но были, конечно, среди приверженцев к богословию и замечательные личности, такие как сожженный по царскому указу в Пустозерске бунтарь и пророк, мученик и страдалец, носитель высоких культурных ценностей протопоп Аввакум. А в том же Соловецком монастыре значительную часть жизни провел в заключении монах-прозорливец Амель (в миру Василий Васильев), предсказавший год смерти Екатерины II, ее сына императора Павла, а также «как будет Москва взята и в который год» (что и произошло в 1812 году, когда наполеоновские полчища захватили нашу столи-

цу), а самое главное — русский Нострадамус указал роковой для царской династии 1918 год. Его слова были приведены в 1920 году в издававшемся в Харбине эмигрантском журнале «Хлеб небесный»: «... На венец терновый сменит Он (имелся в виду Николай II) корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать будут, серую зловонную друг друга испепелять начнут. Накануне победы рухнет трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю...» Так все оно и вышло через три четверти века после его смерти.

От себя же позволю добавить: то, что коммунисты свергли царское самодержавие и капитализм, заслуживает полного одобрения. С какой это стати один человек, независимо от его умственных способностей, будь это то ли царь, то ли король, то ли султан, то ли президент — должен пользоваться ничем не ограниченными правами, делать все, что ему взбредет в голову по случайной прихоти, недомыслию и жить в непотребной роскоши. Тут и до сумасбродства, граничащего с преступлениями, один шаг, что мы и наблюдали не раз и наблюдаем теперь.

Да и как иначе квалифицировать повсеместное разрушение памятников русской культуры, бездумную продажу и раздачу русских земель и невосполнимых ее ресурсов и ценностей другим странам и республикам, истребление русского народа в многочисленных конфликтах и войнах, которых можно было избежать, и многие другие безобразия наших бездарных правителей до Великого Октября и после революции.

Считаю, что только благодаря подвижническому, бескорыстному стремлению к идеалу, самосовершенствованию была облагорожена жизнь на Земле, образовалась цивилизация, созданы бесценные памятники архитектуры, живописи и искусства, которые и по сию пору являются непревзойденными.

Даже после царских реформ 1860-х годов, устанавливавших в законодательном порядке право на частную собственность, большая часть крестьянства оставалась в рамках общественной собственности, и не стремилась выйти из этих рамок, потому что община облегчала существование, давала возможность обороняться от вторжений в земельные пределы непрошенных чужаков. И не случайно столыпинская идея о выделении хуторян-фермеров из общины повсеместно отвергалась в первую очередь самими же крестьянами. Они не хотели этих нововведений, а если кто-то из крестьян и отделялся, его не только осуждали, но и презирали со всеми вытекающими последствиями, вплоть до поджога их хуторов. Да и самого реформатора Столыпина, как известно, в конечном итоге убили.

Сообщалось, что во время проведения столыпинской реформы из общины вышел каждый четвертый крестьянин, а каждый десятый стал собственником участка. Но при этом умалчивалось, что многие брали надел земли в собственность для того, чтобы тут же его продать. А захотевшие удержаться на земле, хватали шилом патоки. поголовье скота за годы реформы сократилось, рост урожайности в губерниях Евро-

пейской России шел медленнее, чем там, где реформа не проводилась.

Так что не надо обольщаться тем, что сейчас ратуют за приобретение земли в собственность, и насильно понуждать сельских жителей к этому. Под угрозой может оказаться «весь уклад русской жизни».

Да и наш историк, публицист Олег Платонов сказал, что «Община — самое ценное наследие, удержанное русским народом от истории. С ним народ вступил на мировую сцену, чтобы выполнить свою историческую миссию, установить общественную организацию на месте общественной анархии, которую оставит сходящая со сцены Европа».

Не на таких ли подвижников, презирующих личное обогащение, рассчитывал Маркс, создавая свое бессмертное учение. И теперь вряд ли какое другое учение может сравниться с ним по своей важности и значимости. Точную суть этой науки о неизбежности коммунизма выразил на могиле Маркса его друг и соратник Энгельс: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории. Но этого мало. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время, как все прежние исследования, как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков, были блужданием в потемках».

Маркс научно доказал, что капиталистическое общество антигуманно, что только обобществив средства производства, человечество придет к коммунизму, и иного пути у него нет и быть не может. Его непобедимое учение созвучно с мечтами и чаяниями всех народов на Земле, и в частности русских людей, считавших во все времена общинность и артельность основой России.

Светлой мечтой о справедливом обществе жили поколения русских демократов.

К великому сожалению, свергнув царя и капиталистический строй, пришедшие к власти коммунисты в кавычках с двойными фамилиями и двойной моралью до неузнаваемости изуверски извратили коммунистическую идею и стали насаждать в нашей стране чуждые народу порядки, что, конечно, многих оттолкнуло от диктатуры пролетариата и строительства первой фазы коммунистического общества — социализма, и привело к гражданской войне.

Конечно, нельзя не учитывать, что любая диктатура, в том числе и диктатура пролетариата, ставшего распорядителем государственной собственности, зиждется на насилии, хотим мы того или нет. Это она установилась в семнадцатом процесс окончательного разложения России, управлял которой так поднимаемый теперь на щит новоявленными монархистами и попами бездарный Божий Помазанник, царь Николай II, которого некоторые Епархии уже причислили к лику святых, в купе с царицей-немкой, благоволившей к родной Германии, рейхсмарки которой выделялись

для окончательного развала российской империи и царского правительства, о чем стало известно из засекреченных до недавнего времени архивных материалов, в том числе из архивов германского министерства иностранных дел.

У нас в стране руководящую роль взяла на себя коммунистическая партия — передовой отряд рабочих и крестьян, подчинив все другие институты власти и печать, которая, по выражению Сталина, является самым острым и самым сильным оружием нашей власти. С ее помощью «партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ему, языке».

Но это ни в коей мере не давало права новым властителям распоясываться и поступать в соответствии с заявлением Бухарина о том, что «принуждение во всех своих формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества и человеческого материала коммунистической эпохи» или «в революции побеждает тот, кто другому череп проломит».

Эти-то липовые идеологи марксизма и перерожденцы из числа «пламенных революционеров» и заложили фундамент, на котором стало расти наше многонациональное государство, с чудовищными перекосами, и они грозят теперь крахом нашему социалистическому обществу, где нет места эксплуататорам и которое, как заметил еще товарищ Сталин, «состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции».

Не отставали от облеченных высшей властью корыстолюбивых карьеристов, незаконно занявших ключевые посты в стране и мелкие узурпаторы с грязными помыслами и большими ложками из самых разных ведомств. Чего стоит только «почин» профессора Б.И.Збарского — главного хранителя тела Ленина, выдвинувшего на совещании работников здравоохранения лозунг: «В деле раскрытия вредителей вызвать на соревнование ОГПУ». Ну, а как шло это самое «соревнование» во всех сферах (и его результаты) — теперь известно каждому.

Как знать, возможно, эти фальшивые борцы за коммунизм присваивали себе другие фамилии для того, чтобы отвести от себя справедливый гнев народа за махинации и злоупотребления на всех уровнях нашей жизни.

Хамелеонство и мимикрия в целях самозащиты свойственны всем приспособленцам, в том числе и правителям.

После Великого Октября основатели СССР внедрили в жизнь военно-государственную диктатуру, а точнее — военно-партийную или военно-коммунистическую, потому что другие партии еще при Ленине были разогнаны и запрещены, а их лидеры сосланы или расстреляны. Находились под прицелом и другие противники октябрьской революции. Устраняли всех, кто пытался противиться новым порядкам, установленным двоефамильцами.

Террор, заложничество, концлагеря, геноцид — все это началось с 1917 года по милости прибывших из-за рубежа с тайными полномочиями иностранных банков двурушников, фарисеев и лицемеров: брон-

штейнов-троцких, апфельбаумов-зиновьевых, розенфельдов-каменевых, сабельсонов-радеков, гольштейнов-володарских и других «общечеловеков» и «граждан мира». Да и у нашего светоча, Ульянова-Ленина (по матери — Бланк), как теперь стало известно, тоже руки обогреты народной кровью. Нет, я не хочу сказать, что в то переломное, судьбоносное для нашей страны время можно было обойтись без крутых мер и эксцессов, но таковые не должны были умалять честь и достоинство трудового народа, стремившегося к миру, свободной жизни, всеобщему равенству и благоденствию.

А теперь твердят, что именно Сталин повинен в массовых репрессиях, сравнивают его с Калигулой, Нероном и другими извергами человечества, которые отличались неимоверной жестокостью.

Я глубоко убежден, что рано или поздно найдется человек, который подсчитает, сколько людей было безвинно уничтожено при советской власти до того, как Иосиф Виссарионович взял бразды правления в свои руки. Думаю, что этот счет окажется при всей его трагичности в его пользу (не исключено, что в его же пользу окажется и счет жертв после сталинского произвола и военных конфликтов по вине бездарных правителей и военачальников).

В своей книге «Одиннадцатый удар товарища Сталина» редактор газеты «Вести с Дона» Александр Шабалов пишет: «Сейчас уже доподлинно известно, что за тридцать лет сталинского правления в тюрьмах, лагерях, поселениях перебивало 3,8 млн. человек. Много это или мало? Давайте сравним.

Двадцать восьмого июня 1990 года в центральных газетах появилось интервью замминистра МВД СССР:

«Нас буквально захлестывает волна уголовщины. За последние тридцать лет под судом, следствием, в тюрьмах и колониях перебивало 38 млн. наших сограждан. Это же страшная цифра: каждый девятый...».

И неудивительно, что товарищу Сталину пришлось пересмотреть свое отношение ко многим людям из старой гвардии, которые оказались фанатиками массовых убийств.

Я не хочу обелять вождя, но он виноват не больше, чем его предшественники. Он узаконил то положение, при котором все органы партийной и государственной власти были превращены во власть сугубо исполнительную. Но, может, в то время ничего другого ему и нельзя было сделать при том окружении.

И нет ничего удивительного, что товарищ Сталин вынужден был действовать теми же методами, какими действовали и его противники. «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию... — говорил Иосиф Виссарионович. — Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина».

Я, конечно, не поклонник нынешнего российского скороспелого миллиардера Брынцалова, скорее, наоборот, но не могу не согласиться с его словами о Сталине: «Тридцать один год правил железной рукой, мо-

жет быть, гнул по-другому, но его рукой Бог покарал тех, которые поубивали людей в революцию семнадцатого года, творцы Советского Союза. Ленин и вся его команда — это же все бандиты чистой воды были! Кто отвечает за разрушения в стране нашей? Убийства, террор, страшные дела?... Да, это, видимо, провиденные руками Сталина их так же поубивало. Ну как еще смотреть, если со стороны? Они творили зло, и зло же их всех все равно настигло».

Думаю, немало трудов стоило товарищу Сталину, чтобы расправиться с этой махровой кодлой, запустившей свои щупальца во все сферы хозяйственной и военной деятельности и высасывающей из них живительные соки. Такое под силу только гениальному человеку.

И как же после этой расправы у нас все пошло в рост. Уже после 1937 года были построены высокопроизводительные индустриальные и сельскохозяйственные центры, электростанции, судоходные каналы, появились новые города и открылись новые высшие и средние учебные заведения, научно-исследовательские институты, военные академии и училища, из которых вышли впоследствии высококлассные специалисты и известные всему миру ученые, сделавшие уникальные открытия мирового значения и внесшие неоценимый вклад в наше народное хозяйство. На небывалую высоту поднялся престиж нашего государства на международной арене и выросла его военная мощь. И вновь заблестали имена Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, Богдана Хмельницкого, Салавата Юлаева. Сталин знал, что только при сильной армии мы можем строить свое коммунистическое общество и защитить завоевания Великого Октября.

А теперь все наши достижения разворовываются прихвизаторами и инвесторами, пускаются под откос, втаптываются в грязь нынешними перестройщиками из того же замеса стяжателей и проходимцев, которых справедливо называют в народе дерьмократами. Впрочем, они отличаются от тех политических прохвостов и головорезов прошлого несравненно большей хваткой и изворотливостью, равно как и алчностью, и лицемерием. Ну, а о цинизме и говорить не приходится. Цинизм у них даже на лицах запечатлелся как клеймо на лбу зачатого преступника, предавшего интересы великой державы. И думая теперь о деяниях нашего главного перестройщика, книги которого сейчас выбрасываются на свалку, я невольно вспоминаю слова великого Пушкина:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

Это об ограниченном, плохо образованном Горбачеве было сказано Лимоновым: «Зеро совести, ноль...» Он чужой своему народу.

Нынешние крушители учения Маркса и Энгельса, противники социализма и коммунизма, утверждают, что «инстинкт собственности» — один из коренных

инстинктов человека (дескать, своя рубашка ближе к телу) и на этом сейчас строят аморальную рыночную политику наживы и прибыли, втягивая и нашу страну в алчную пасть капитализма, который, по своей сути, высасывает из человека все гуманное, социально разлагает личность и не может дать счастья народу. В этом легко убедиться, оказываясь за рубежом. Там у людей все заботы связаны только с обогащением, как будто в этом и есть истинное счастье. И многие из них в погоне за преуспеванием потеряли совесть и другие человеческие качества. Посмотреть на наших сегодняшних нуворишей, на их беспардонное поведение — и страшно становится за будущее советского государства и всей планеты. Это самые настоящие монстры, поедающие друг друга. Даже кровожадные акулы уступают им в своей жестокости. И эти захребетники народа еще смеют говорить, что лишенный этого врожденного инстинкта человек якобы рано или поздно утратит стимул к труду, к творчеству, деградирует.

Ратую за коммунизм, я отнюдь не за пресловутую уравниловку, которой так страшатся толстосумы-капиталисты. Это хорошо просматривается и на моем личном материальном благополучии и благополучии других руководителей, которые, как и я, тоже достаточно обеспечены, но ведь и работаем мы на износ, не щадя своих сил и, нередко подвержены стрессам и другим серьезным недугам, в результате чего с нами чаще, чем с людьми других профессий, случаются инфаркты и инсульты, и век наш не долгие всех прочих.

Кстати, не призывал к уравниловке и Иосиф Виссарионович. Еще на XVII съезде партии он говорил: «Всякому ленинцу известно, если он настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного бытия есть реакционная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического государства, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем быту жили по одному образцу».

Однако потребности потребностям рознь. Наши потребности ограничены законом и не идут ни в какое сравнение с теми, которые установили себе, грабя народ, нынешние дельцы и бизнесмены, пользуясь попустительством государства.

Партийные руководители всех рангов не имеют права иметь даже собственные дома и дачи, автомобили и прочую недвижимость. Только выйдя на заслуженный отдых по старости, могут позволить себе обзавестись садовым строением за городом на шести сотках и машиной. Но у большинства из них не наберется на это надлежащих средств. Кстати, нет их и у меня. Мне не светит даже отдохнуть в гостевом доме, когда сложу с себя полномочия секретаря обкома.

По моему разумению, потребности не должны быть такими, как у капиталистов-толстосумов, вроде владельца с острова Борнео султана Брунея Муда Хассала, которые строят себе дворцы с сотнями комнат, обзаводятся десятками лимузинов и купаются в несусветной роскоши. А теперь им подражают и наши нувориши типа Мавроди, Березовского, Гусинского и

Брынцалова. Они даже не способны понять, как выглядят в глазах трезвомыслящих людей.

И не надо наводить глянec на прошлое, расписывая прелести жизни при царе-батюшке, тыкать всем в нос выборочными, выгодными защитникам частной собственности статистическими данными, которые говорят, что в 1913 году урожай зерна в России был на треть больше, чем в Соединенных Штатах, Канаде и Аргентине, вместе взятых, что Россия поставила 50% мирового импорта яиц, 80% мирового производства льна. То была аграрная страна с неразвитой промышленностью. Люди в большинстве своем ходили в посконных рубахах и лаптях, многие перебивались с хлеба на квас, а то и просто голодали и умирали тысячами и тысячами, в чем легко убедиться, знакомясь с социальными полотнами Фонвизина, Радищева, Гоголя, Грибоедова, Чаадаева, Гончарова, Достоевского, Чернышевского, Льва Толстого, Некрасова, Чехова, Успенского, Горького, Куприна, Шишкова и других писателей, а также с картинами художников-передвижников, которые были свидетельствами беспроблемной жизни простого рабочего, крестьянского и чиновного люда и показали истинное лицо царской России, лицо бездушных императоров с немецкой кровью и их приближенных, которые присваивали себе чужой труд.

Просвещение стояло у нас на таком низком уровне, что даже среди военных сплошь и рядом были солдаты, не умевшие читать и писать, зато муштра, мордобой и шпицрутены считались узаконенными.

И нельзя не согласиться с тем же Бердяевым, написавшим в 1937 году: «Ко времени революции старый режим совершенно развалился, исчерпался и выдохся. Война докончила процесс разложения... Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться».

По вине царского правительства погибли тысячи и тысячи русских солдат и моряков на бастионах Севастополя, Порт-Артура, в Мазурских болотах, на фронтах Первой мировой войны. Не хватало орудий, снарядов, не было танков, на самолеты, которых тоже было мало, ставились иностранные моторы, а свои делать не представлялось возможным.

В период с 1914 года по 1917 год Германия выпустила пулеметов в 10 раз больше, чем Россия, орудий — в 6 раз, самолетов — в 14.

Россия была истерзана, разорена капиталистами до основания. А наши нынешние новоявленные монархисты теперь пытаются поднять на щит русских царей Романовых, которые со времен Екатерины II — далеко не русские, о чем говорят генеалогические и культурологические исследования. И это их правление, думаю, тоже отнюдь не лучшим образом отразилось на русской экономике. И не случайно у народа было позорение, что последняя императрица, у которой Ни-

колай II был под каблуком, являлась «германской шпионкой».

Если что и сделал хорошего для России бездарный и беспринципный правитель Николай II, так это то, что отрекся от престола и своим бездействием создал возможность прихода к власти большевиков. Ему, вроде бы, даже не захотели предоставить убежища другие страны.

А теперь у нас на полном серьезе муссируется вопрос: стоит ли Русской Православной Церкви причислить последнего российского императора и его семью к лику святых.

Я лично во все эти самые «лики» вообще не верю, но меня поражает, что при опросах населения — нужно ли канонизировать царя — большая часть опрошенных высказалась положительно, считая, что тем самым мы, будто бы, сможем реабилитировать себя в глазах всего мира за то варварство, что совершили в 17-м революционеры-двоефамильцы.

Чего это ради всем-то нам каяться, брать на себя чужую вину? А то, что октябрьская революция освободила народы от царской кабалы и беспросветной жизни народных масс, надо только приветствовать.

Не приемлю я действий и тех, кто копается в извлеченных из земли костях, чтобы определить, действительно ли они принадлежат царской семье. Мне непонятно, зачем создана комиссия по расследованию обстоятельств ее гибели, и даже получены из Франции составленные ушлым колчаковским следователем Соколовым, умершим при невыясненных обстоятельствах в ноябре 1924 года, документы по делу об убийстве царской семьи; зачем возбуждено уголовное дело, чтобы подвергнуть проверке бывшие расследования; зачем привлекли к этому одну из секретных лабораторий института космических исследований, а в Екатеринбург выезжали эксперты-стоматологи с целью выяснения, кому принадлежат найденные черепа, и есть ли среди них череп Анастасии, у которой был промежуток между передними зубами.

Даже вскрыли гробницы с останками Великих князей Романовых, находящиеся в Петропавловской крепости. По этому случаю туда прилетал на вертолете Патриарх Алексий.

Задействованы были и лаборатории МВД Великобритании для исследования крови ближайших родственников царской семьи, в том числе мужа английской королевы. Военно-генетический институт армии США тоже «впрягли» в эту, не стоящую и выеденного яйца, работу.

Что было, то было, и незачем ворошить заросшее травой забвение. Так нет же, даже пишущая братия не осталась в стороне в стремлении «внести ясность», а если точнее — зашибить деньгу на искусственно раздуваемом материале.

Небезызвестный сочинитель, ранее специализировавшийся на сентиментальных пьесках о любви, накалал толстенную книгу о Николае II, о его жизни и смерти. Впрочем, этот литературный поделщик не обошел стороной и товарища Сталина. И вот уже на книжных развалах из моря бульварщины вынырнул

его «новый эпохальный труд» об Иосифе Виссарионовиче. Не читая его, можно догадаться, в каком виде этот лицедей показывает вождя.

Когда я вижу его ужимки и гримасы во время выступлений по телеку (а он там свой в доску), слушаю его жеманный голос с томными вздыханиями, мне кажется, что он хочет обворожить небезызвестного Мудосеева или Мандасеева (не ручаюсь за правильность этой фамилии) или кого-то еще из той же голубой братии.

Не возьму в толк и то, зачем хороший скульптор, к тому же патриот, создавший памятник нашему национальному герою, Маршалу Советского Союза Григорию Константиновичу Жукову (правда, памятник получился, на мой взгляд, никудышным — сам маршал похож у него то ли на карлика, то ли на какой-то обрубок, а лошадке, на которую он водружен, вставил прямые как спички ноги и прилепил собачий хвост), соорудил памятник бездарному Николашке на свои деньги недалеко от Мытищ. Не уверен, что царь там приживется. Его свергнут с пьедестала (что и случилось вскоре).

Что же касается расстрела царской семьи большевиками, то этого шага я, конечно, не одобряю, как не одобряю и того, что ЕБН снес с лица земли дом Ипатьева, где произошла эта трагедия. Говорят, что его заставили это сделать, и он, может, не желая того, невольно способствовал сокрытию преступления душегубов, которым нет и не будет прощения.

На мой взгляд, лучше бы поскорее оставить в покое найденные останки, некогда спрятанные в заброшенном, потаенном урочище под Свердловском, а не устраивать теперь беспардонный торгашеский спор по поводу того, где их хоронить: в Москве, в Питере (для меня город на Неве, ставший колыбелью революции, остался Ленинградом) или в Свердловске. Растревоженный прах к добру не приведет. Можем накликать непредсказуемую беду.

И что еще вызывает возмущение: все эти «идентификации» с царскими останками (царскими ли?) происходят в то время, когда рекой льется кровь советских солдат и офицеров в наших республиках, а также в «горячих точках», а убитых сваливают в общие могилы, а то и просто оставляют на съедение одичалым собакам, даже не удосуживаясь выяснить имена безвинно погибших. И матери никогда не узнают, где сложили головы их сыновья, многие из которых были ничуть не хуже «Божьего Помазанника».

И уж если нынешние идеологи внедряют в сознание нашего народа американский образ жизни, то им не худо было бы брать пример с той же Америки, по законам которой ни один солдат не должен быть похоронен в общей могиле.

Русский народ принял революцию, как единственную возможность освобождения от ига царизма, частной собственности и бюрократии, и впервые в мире стал строить новое социалистическое общество, о несомненных преимуществах которого скоро узнал весь мир, и не случайно по нашему пути пошли народы других республик.

А теперь, с связи с тревожной смутной порой, начавшейся по вине бывшего генсека, снова заголосили

сторонники установления монархии в нашей стране, считают, что царь будет гарантом стабильности государства и готовы посадить на царский престол нового соискателя, который даже по-русски не говорит и проблем наших не знает, зато уже просит величать себя не иначе как «ваше высочество». Ну не бредовая ли это мысль — возвращаться к изжившим себя порядкам, которые мы поломали еще в семнадцатом. А поди ж ты — муссируется чуть ли во всех средствах массовой информации и находит поддержку у государственных прихлебателей типа Собчака, которые надеются на пожизненное разгульное барство. А как-то будет простому народу?

Мог ли я остаться в стороне от великих свершений в нашей многонациональной стране? Нет, конечно! Я хотел отдать всего себя работе по претворению в жизнь начертаний нашего гениального учителя и вождя всех народов.

А теперь, оглядываясь в свое детство, думаешь, куда девались звонкие пионерские барабаны и горны, утренние линейки и клятвы в личной преданности вождю, вечерние костры с песнями и танцами. Не стало и тимуровцев, безвозмездно помогавших немощным старикам и больным. Никто не стремится быть похожим на Чапаева, Петьку и Анку-пулеметчицу, о которых нынче слагают скабрзные анекдоты, а доперестроечное беззаботное детство называют баранье-пионерским. Только лучше ли оно у сегодняшних ребят: продают в переходах и вагонах электричек газеты, моют «Мерседесы» новым богатеям, а если и играют они, то в «новых русских», «в бандитов», «в рэкетиров», «в проститутток», «в заказных убийц — киллеров». И подражают им во всем. А наш эфир заполнили электронные звукоизлучатели, всякого рода синтезаторы. На театральных подмостках и сценах, в ресторанах буйствуют, давая на барабанные перепонки и удара ниже пояса, вызывая у слушателей корчи, а то и обмороки, электрогитары с ревушим искаженным звучанием, бездушные компьютерные звуковоспроизводящие устройства, обрушивающие на слушателей громовые обвалы.

Когда я коротко ответил товарищу Сталину на его вопросы, он, как мне показалось, сначала сурово нахмурился, а потом снова улыбнулся в усы.

— Ничего, разберемся, и, рано или поздно, все получат по своим заслугам. В этом можно не сомневаться. А ваша должность и положение в структуре советского общества меня обнадеживают. Как говорится, на ловца и зверь... — сказал он. — Хотя и не совсем понятно, что значит секретарь и председатель в одном лице.

— Решение о совмещении должностей было принято на первом съезде народных депутатов по предложению Генерального Секретаря нашей партии Горбачева.

— Весьма любопытно. До такой концентрации власти в одном лице в пределах области даже я не додумался, и людей с двумя портфелями при мне не было. Или за то время, пока меня не было на Земле, номенклатурные кадры стали семи пядей во лбу, — при этих словах он недовольно пошевелил усами.

— Не было на Земле?! — как эхо, повторил я.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ Подкидной. Что вас тревожит?

И тут я осмелился:

— Товарищ Сталин, я ведь коммунист с большим стажем, материалист и диалектик до мозга костей. Воспитан на вашем гениальном «Кратком курсе» и не приучен верить в сверхъестественное, хотя об этом у нас теперь часто говорят и пишут.

— А его и нет в моем появлении.

— Но, простите, встреча с Вами не укладывается в моей голове.

Я еще что-то бормотал в том же духе, заикался, не в силах осознать, что все это происходит наяву. И вместе с тем с удовлетворением отмечал про себя до боли знакомый мне акцент, звучание голоса и ту же манеру говорить, сосредотачивая внимание на отдельных словесных повторях. Этот «почерк» речи товарища Сталина трудно было спутать с другим, хотя, конечно, есть искусные мистификаторы «подделывать» голоса, в чем легко убедиться, слушая мнимых Горбачева, Ельцина и других государственных мужей.

— Ну, это пройдет, — улыбнулся товарищ Сталин.

— Скоро землянам придется на многие явления посмотреть другими глазами.

Что он хотел этим сказать?

— Но как же все-таки вам удалось?! — вырвалось у меня. И тут я осекся. Можно ли было спрашивать о том, как Иосиф Виссарионович избежал смерти при той общеизвестной истине, что все смертны. Конечно, могло стать, что еще не настал его час. Ведь со дня рождения вождя прошло немногим более ста лет. Между тем, случаи долгожительства тоже всем известны. И чаще других у нас в стране долгожительство кавказцы. Так что, в принципе, товарищ Сталин вполне мог еще пребывать на этом свете, учитывая, к тому же, что за его здоровьем следили лучшие светила медицинской науки, хотя он, кажется, и не очень-то жаловал докторов — так, по крайней мере, писали мемуаристы. Да и питался он лучше других. Возможно, принимал различные жизненные эликсиры типа женьшеня, маральего корня, которым приписывают чудодейственные свойства. Но, в таком случае, где же он обретался все эти годы? Неужели и в самом деле за пределами Земли?! Если это так, то каким образом ему удалось попасть туда, и как же после его исчезновения на Земле никто не узнал, что нашим государством управляет его двойник? Возможно ли такое?

Мы пришли к дому. Я включил верхний свет в холле. Под высоким потолком из зеркал вспыхнула хрустальная люстра в виде букета, высветила каждый уголок помещения, отразилась на мраморных плитках пола. Товарищ Сталин мотнул головой:

— Это ни к чему.

И я погасил люстру. Теперь холл освещали вмонтированные в стены бра. Помог Иосифу Виссарионовичу снять шинель и при этом неловко коснулся пальцами его жесткого затылка, коснулся преднамеренно, чтобы почувствовать, что имею дело с живой плотью.

Являясь убежденным атеистом, я не верил и в астральных двойников. Но, если даже сделать такое не-

лепое предположение, то оно в данном случае не согласовывалось с утверждением оккультистов и мистиков о том, что когда присутствует астральный двойник, ощущается холод. Я холода не чувствовал, хотя все это происходило в декабре. Скорее, наоборот, меня бросило в жар, и никогда раньше я не испытывал и такой нервозности. Затылок у Сталина был теплым, что говорило о реальности человека.

Он оказался в форме Генералиссимуса с Орденом Победы на груди и Звездой Героя Социалистического Труда. Так обычно его рисовали портретисты уже после войны. И такой портрет долгое время висел в моем кабинете. Возможно, на госте был дубликат облачения генералиссимуса, потому что такое же было на вожде, лежавшем в хрустальном саркофаге рядом с Лениным.

Гость приблизился к зеркалу, в которое я смотрелся несколько минут назад, думая о том, что в нем невидимо запечатлеваются образы всех, кто в него глядел ранее, в том числе и товарищ Сталин. Приглаживая мокрые от снега рыжеватые усы, он, как мне показалось, задержался у зеркала дольше обычного, коснулся пальцами резной рамы, вздохнул. Возможно, это зеркало пробудило в нем какие-то воспоминания, связанные с его пребыванием здесь до Великого Октября во время побега из ссылки. Но мне он ничего не сказал. Потом стал причесываться, пристально всматриваясь в свое отражение, что позволило мне, впервые оказавшемуся в такой близости от человека, которого когда-то возносил до небес чуть ли не весь мир, немного прийти в себя. Скажу откровенно, находиться с ним в одном помещении бок о бок было жутковато, хотя я очень бы хотел служить ему не за страх, а за совесть.

Знакомясь с мемуарами государственных мужей, которые общались с товарищем Сталиным, я обратил внимание на любопытную особенность. Почти всех их при встрече с Иосифом Виссарионовичем охватывала тревожная оторопь. Это касалось и великодержавных правителей. Как тут не вспомнить слов Уинстона Черчилля: «Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Свидетельство это говорит о многом: людям становилось как бы не по себе, а на многих просто шквальной волной накатывал какой-то муторный страх. Теперь я испытывал это и на себе, оказавшись рядом с вождем спустя без малого сорок лет после его мнимой смерти. И это тоже позволяло думать и надеяться, что я нахожусь все-таки с настоящим товарищем Сталиным.

Преодолевая стесненность, я, незаметно для гостя, стал рассматривать его, пытаясь вспомнить, что писали о Иосифе Виссарионовиче другие, чтобы, как говорится, окончательно утвердиться в убеждении, что передо мной — собственной персоной Сталин. Почему-то всплывало в памяти описание философом-идеалистом Даниилом Андреевым образа вождя, словно для того, чтобы я мог окончательно удостовериться в его подлинности:

«...Тридцать лет повсеместно маячил перед нами портрет этого существа — уже не мальчиком, разумеется, а мужчиной. Нельзя было сделать ни шагу, чтобы не встретить его справа, слева или впереди. И трудно освободиться от привычки к этому лицу, от множества ассоциаций, вызываемых у нас при его виде, и взглянуть на эти черты непредубежденно. На большинстве портретов глаза вождя слегка сощурены, как бы полуприкрыты чуть-чуть припухшими веками. Иногда — это гримаса, долженствующая имитировать добродушно-хитрую полуулыбку, как у Ленина, иногда же это похоже на напряженное всматривание вдаль. Лишь на известном портрете, принадлежащем кисти Бродского, глаза раскрыты так, как им надлежит быть: непроглядная тьма, свирепая и грозная, смотрит оттуда. Густые волосы, зачесанные назад, скрывают ненормальность черепа; знаменитые усы смягчают слишком разоблачающую линию губ. Впрочем, усы и сами по себе носят немаловажный оттенок: оттенок какой-то пошловатой примитивности, как если бы их обладатель гордился своей мужской грубостью и сам культивировал ее в себе. Узкий в детстве овал лица давно заменился четко очерченным квадратом: это объясняется развившейся с годами сокрушительной мощью челюстей, способных, кажется, перемолоть камни. Неимоверная воля отпечаталась на этом лице и столь же безграничная самоуверенность. Ни единой черты, говорящей — не то чтоб об одухотворенности, но хотя бы о развитой интеллигентности. Только убийственную хитрость в сочетании с непонятной тупостью можно разглядеть в этих чертах, да еще нечто, вызывающее недоумение и тревогу: череп! череп! что вмещают эти необыкновенные выпуклости головы, что обозначают эти уникальные пропорции?

Хитрость, воля, тупость, бесчеловечность — ведь таких свойств недостаточно, чтобы оставить в истории такой след, какой оставил он. Должны быть налицо и дарования высшего порядка. Может быть, о них свидетельствует то, что на портрете не может быть запечатлено, — голос, тембр, дикция? Но все мы, его современники, слышали этот лишенный вибрации, выхолощенный до нюансов, медлительный и тупой голос автомата, эту дикцию восточного человека, не сумевшего овладеть до конца правильным русским языком».

Я не физиономист и не могу сказать, соответствует ли это явно тенденциозное описание внешности товарища Сталина внешности человека, сидевшего передо мной в кресле.

Бросались в глаза не очень выразительный, как бы несколько придавленный лоб (это отметил и Солженицын в «Архипелаге Гулага», хотя писатель и не встречался с вождем), серое в рябинках лицо и руки (пожалуй, несколько длинноватые для его роста), довольно густые усы с проседью, скрывавшие малую верхнюю губу, желтоватые белки чуть прищуренных глаз. На макушке головы сквозь редкие рыжеватые волосы проглядывала лысинка (на портретах ее не было видно).

Ну, да придворные художники и фотографы во все времена приукрашивали царей, вождей и членов пра-

вительства, делали их моложе, благожелательнее. Для придания вождям особой выразительности, долженствующей говорить народу об их высоком интеллекте и воле, существовали специальные люди. Впрочем, таковые и теперь есть. Они создают вождям имидж. И не только вождям. Теперь каждый кандидат в депутаты стремится обзавестись своим имиджмейкером и с его помощью стать приятным во всех отношениях, ну просто душкой, за которого нельзя не проголосовать на выборах. Взять хотя бы нашего Горбачева. У него даже «Африку» с лысины убирали на первых изображениях, считая, что она привносит в образ Президента что-то дьявольское, потом, правда, она появилась. Наверное, Меченому было стыдно выглядеть непохожим на себя, и он, как видно, дал соответствующие указания. Впрочем, это мое предположение.

Но при всем при том я должен заметить: зря Даниил Андреев в своем описании портрета вождя сделал ироничный акцент на черепе Иосифа Виссарионовича — вместилище мозга. Это не делает чести поэту-идеалисту, претендующему на большую духовность и на истину в последней инстанции.

Сейчас даже школьникам хорошо известно, что работа головного мозга и его величина не зависят от формы черепа. Это в нацистской Германии теоретики расовой чистоты изучали черепа евреев и коммунистов для своих изуверских экспериментов, проводимых горе-учеными третьего Рейха.

Разглядывая товарища Сталина, я невольно вспомнил и напечатанные в «Огоньке» мемуары бывшего генерала КГБ Льва Фельдина, перекрасившегося в Александра Орлова — сиониста, изменника Родины, который бежал из СССР в 1938 году, воспользовавшись направлением на работу в Испанию. В его сочинении среди ложных обвинений Сталина — в уничтожении старой гвардии большевиков — сказано, что охранник Иосифа Виссарионовича Паукер изобрел для вождя сапоги специального покроя с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в задник. И будто бы Сталину нравилась эта обувь, и он пошел еще дальше и велел Паукеру класть ему под ноги, когда он во время праздничных демонстраций стоял на трибуне Мавзолея Ленина, деревянный брусок. В результате таких ухищрений многие, видевшие вождя издали или на газетных фотографиях, считали, что он выше среднего роста. В действительности его рост составлял будто бы 163 см. Так ли это было на самом деле? Я не измерял рост товарища Сталина рулеткой. А вот по тюремным документам (а в полицейских заведениях соблюдалась точность при описании заключенных) рост у Иосифа Виссарионовича указывался 174 см. Кстати, это же подтверждает писатель, критик и поэт-патриот Владимир Бушин, которого трудно обвинить в необъективности. Все его статьи, опубликованные в центральной печати, отличаются высокой точностью и объективностью, за что его и не любят нынешние прорабы перестройки, которых он разоблачает, показывая их гнилое нутро. Так что легко догадаться, сколько правды в мемуарах предателя Фельдина, в мемуарах других перебежчиков, которые теперь едят из кормушки тол-

стосумов-капиталистов, а те дают еду только тем, кто льет грязь на Советский Союз, на наших вождей и на наш народ, стремясь во что бы то ни стало как можно быстрее развалить социалистическую систему, поставить нас на колени. И, что прискорбно, им многое уже удалось.

Причесавшись, товарищ Сталин сел у камина в то же кресло, в котором недавно сидел японец, разглагольствовавший о прелестях жизни в капиталистическом обществе.

Но я-то стреляный воробей, и меня на мякине не проведешь. Бывая за «бугром», достаточно насмотрелся на прелести той жизни. И не случайно почти вся диссидентствующая шваль, хлебнув из зарубежной кормушки, снова рвется в родные пенаты. Вот и переводчица самурая тоже наострила лыжи. Я бы никого не пускал обратно. Пусть ковыряются там со своими проблемами, ходят по мукам, особенно это касается гнилой интеллигенции типа Кончаловского, Казакова, Любимова, которых теперь чествуют у нас, как национальных героев. Да за одну «Курочку-рябу», где в извращенном, похабном виде показывается наша советская действительность и высмеивается русский народ, я бы запретил режиссеру-перебежчику возвращаться на Родину. Интересно бы узнать, как к его поступку отнесся отец — создатель гимна Советского Союза. Хочется надеяться, что Сергей Михалков не отказался от своих священных и воистину символических слов:

«Нас вырастил Сталин на верность народу,

На труд и на подвиги нас вдохновил»,

которые мы слышали ежедневно по радио в начале и конце трудового дня, да и сами пели с вдохновением на партийных собраниях, заряжаясь энергией этой торжественной песни, выражающей классовое единство советского народа.

Истории известны факты, когда отцы сурово наказывали своих детей за измену Родине, что дало повод отобразить это в художественной повести Гоголю — в его прекрасном творении «Тарас Бульба». Когда товарищ Сталин не дал согласия на обмен попавшего в плен к фашистам сына на капитулировавшего со своей армией под Сталинградом фельдмаршала Паулюса, возможно, вождь вспомнил, как поступил Петр I со своим безвольным и нерешительным сыном Алексеем, участвовавшим в оппозиции реформам императора и бежавшим за границу. Конечно, теперь не те времена, не те нравы, но мне было бы очень тяжело, если бы мой сын Иосиф покинул Родину, как покидают ее сейчас многие ученые и дельные специалисты, не находя спроса в своем растерзанном отечестве, где один за другим закрываются заводы, научно-исследовательские институты, шахты, учебные заведения.

Застряло в памяти, что товарищ Сталин сел лицом к двери, словно опасался нежданного прихода кого-то из посторонних, оглянулся и провел рукой по столу, как бы смахивая пыль. Мне вспомнилось: точно так же он поступал во время съемок Ялтинской конферен-

ции, что, кстати, было подмечено и Эрнстом Неизвестным. Потом вождь положил ладони на колени расставленных ног со сведенными вместе ступнями. Таким я видел Иосифа Виссарионовича и на многих фотографиях, что позволило мне предположить, что передо мной все-таки настоящий Сталин.

Он все к чему-то прислушивался. Возможно, улавливал под полом какие-то шорохи в подвале, где, видимо, все еще «занимались любовью» (не нравится мне это пришедшее с запада выражение) неутомимый Кобелов и переводчица японца.

Хоть бы подольше они там задержались, черт бы их побрал, и не нагрянули сюда.

В те минуты почему-то припомнился ответ Кагановича на вопрос интервьюировавшего его корреспондента: «А каким был Иосиф Виссарионович Сталин?» — «Иосиф Виссарионович был очень осторожным человеком, очень осторожным. Он видел далеко, видел многое...». Наверное, эта особая осторожность вождя и заставила его так сесть.

— Давненько я не грелся у горящего камелька, — сказал товарищ Сталин после некоторого молчания и протянул руки в конопушках к ажурной решетке, за которой виднелись чуть мерцавшие угли, пошевелил пальцами, напомнив мне стихи о Сталине Мандельштама: «Его толстые пальцы, как черви, жирные». Нет, они не показались мне жирными. Поэт, как и другие хулители вождя из той же братии, выдал желаемое за действительное.

— Может, растопить? Сделаю мигом, — сказал я, вспоминая высказывание дочери Сталина, Светланы, в ее «Письмах к другу» о том, что на Ближней даче вождя в Кунцево был камин, отец всегда любил зимний огонь.

— Пожалуй, — согласился гость, позевывая. В его замедленных движениях чувствовалась усталость. Я взял корзину и отправился за дровами, радуясь, что представилась возможность какое-то время побыть одному, собраться с мыслями.

Сейчас по черепу давно ушедших людей специалисты воссоздают их внешность. Начало этому положил наш соотечественник, советский антрополог, археолог и скульптор Михаил Михайлович Герасимов, восстановивший на основании скелетных остатков облик почитаемого товарищем Сталиным Ивана Грозного и других исторических личностей. А недавно сообщалось, что врач судебной медицины создал по черепу Нестора — автора «Повести временных лет», «Чтения о князьях Борисе и Глебе», «Жития Феодосия Печорского» образ этого замечательного летописца, жившего 800 лет тому назад. А подумал я об этом опять же в связи с терзавшими меня сомнениями.

А если он от туда, созданный там по образу и подобию нашего вождя? Электронный оборотень. Искусственный интеллект, действующий по чужой, неизвестной нам программе, о чем как-то рассказывал Матсон-Ганопольский, нагоняя страх на слушателей. Он любил шокировать публику и этим тоже привлекал к себе внимание.

— Такие оборотни, — говорил Давид, — способны вмешиваться в ход земных событий по чьему-то усмо-

трению и, в конечном итоге, властвовать над людьми.

Только можно ли в искусственный мозг вложить всю, накопленную за целую жизнь информацию, которой обладал товарищ Сталин?

Впрочем, сейчас уже генетики уподобляются средневековым каббалистам и алхимикам, пытавшимся изготовить искусственным путем гомункулуса, и намереваются вырастить в пробирках человеческие органы, годные для хирургических операций, а затем начать клонирование людей с целью передачи им определенных признаков, имеющихся у отобранных для этого индивидуумов, чему, конечно, противится общественность. Ведь полученные из одной-единственной клетки люди будут точными копиями, генетическими двойниками, что может привести к непредсказуемым последствиям. И больше всего здесь возмущается церковь, считая, что у таких двойников не может быть души.

Да и сканирование мозга научились производить и всю имеющуюся в нем информацию заносить в компьютер, в результате чего ученые уже получили некую компьютерную сущность, о чем стараются не распространяться, потому что это тоже чревато невероятными последствиями.

Вот если бы удалось завести с моим гостем речь о прошлом, имеющем непосредственное отношение к вождю, о событиях, в которых он принимал личное участие, — тогда, возможно, многое прояснилось бы. Правда, психовед утверждал, что все человеческие жизни и судьбы целых народов запрограммированы и отпечатаны на веки вечные в космических даях, и когда-нибудь люди научатся проявлять эти отпечатки и составлять по ним копии давно ушедших из жизни людей. Может, там уже научились?

Я чувствовал, что у меня образовался сумбур в голове и все пытался отогнать от себя непрошенные мысли, складывая в плетенку дрова для камина.

И еще мне подумалось тогда о том, что истории известны невероятные случаи, когда проглотенные временем, канувшие в небытие люди и животные, вдруг, спустя многие годы, а иногда и столетия, снова появлялись на Земле, вызывая недоумение и оторопь у тех, кто их знал лично или даже просто читал о них. При этих явлениях происходил необъяснимый перекос во времени, и современники становились свидетелями путешествия из прошлого в настоящее: видели снежного человека в самых неожиданных местах нашей планеты, доисторических животных наподобие Несси и динозавров, людей, облаченных в одежды прошлых веков.

Матсон-Ганопольский объясняет самопроизвольное перемещение спонтанной телепортацией.

В печати сообщалось, что наши современники видели на море старинные парусники с пассажирами на борту, всплывший «Титаник», а в небе — управляемые самолеты времен Первой и Второй мировых войн, на земле — лошадей, запряженных в кибитки и дилижансы, поезда XIX столетия с дымящимися трубами паровозов, и опять же с пассажирами.

Или вот напечатанные во многих газетах и журналах сообщения о «кричащем Чарли» — пилоте с авиа-

базы острова Гуам, который разбился во время посадки после того, как сбил двух японских летчиков, а спустя 35 лет вдруг стал появляться на аэродроме в дырявом грязном летном комбинезоне оливкового цвета с лицом, покрытым слоем въевшейся копоти, и оглашать окрестности пронзительным криком, вступать в разговоры с людьми, а однажды достал из потертого летного мешка старую стодолларовую банкноту, в которую были завернуты летные «крылышки» — значок пилотов-истребителей Второй мировой войны — и передал собеседнику, подполковнику авиации США Лоренсу В.Кармон с просьбой вручить это механику машины, на которой тогда разбился. И все это рассказал, столкнувшись с неведомым, сам подполковник, заявив при этом, что он «материалист до мозга костей». Как это все объяснить?

А когда я вернулся с дровами, застал Иосифа Виссарионовича сидевшим в расслабленной позе, с откинутой к спинке кресла головой и с закрытыми глазами. Товарищ Сталин спал, слегка похрапывая. Рябоватое лицо его непроницаемо застыло, усы отвисли, ноги как-то неуклюже расставились. Но и в ту минуту он не показался мне беззащитным. В нем чувствовалась какая-то непонятная мне сила, даже тогда, когда он как бы выключился из действительности.

Я тихонько сложил дрова возле камина. Вождь не проснулся, и я не решился будить его. Видимо, звездная дорога сильно утомила Иосифа Виссарионовича, а доносившееся до его слуха журчание воды в фонтане убавало.

Пусть отдыхает, — решил я и отошел в сторону, выключил подачу воды в фонтан, вдруг вспомнив чьи-то записки, где говорилось о том, что Сталин высказал пожелание архитектору Мержанову, который проектировал дачу вождю в районе Сочи, чтобы там не было фонтана, — не хотел выделяться.

Потом я убрал с полок фойе, которое служило и своего рода библиотекой, книги последних лет о Сталине, где он показан авторами в негативном плане. А таких набралось в доме изрядное количество. Среди них и скандальные инсинуации наших доблестных перевертышей Рыбакова и Волкогонова, и пасквилы изменников родины Авторханова и Резуна, присвоившего себе фамилию прославленного русского полководца генералиссимуса Суворова. Ну да что ж: сегодня, по выражению одного писателя, «даже осел может лягнуть мертвого льва», и все эти ослы лют на него помой и ничуть не стесняются передергивать факты, сочинять небывлицы, выдавая желаемое за действительное. Не отстают от них и выдворенные из Советского Союза диссиденты, перебежчики и прочая шваль, которая кормится всякими несусветными байками о Сталине. Теперь даже сочинения заклятого врага советской власти, иудушки Бронштейна-Троцкого у нас стали печатать.

Снял телефонную трубку, чтобы случайный или неслучайный звонок не разбудил Иосифа Виссарионовича. Мне же, конечно, было не до сна. Я продолжал испытывать неосознанный страх.

А может, и в самом деле это настоящий Сталин? — в который раз я уже задавал себе этот вопрос, вспомнив вдруг приписываемое ему выражение: «Есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем». И вот появился он сам, стало быть, появились и проблемы. Да еще какие!

И тут же мелькнула крамольная мысль: а ведь сейчас кто-то на моем месте мог бы воспользоваться тем, что вождь заснул, и нейтрализовал бы его, аннулировал, обезвредил, как выражались чекисты, чтобы не дать возможность ему снова взять бразды правления государством и реанимировать расплывающуюся по швам, созданную коммунистами тотальную командно-административную систему, в которой я играл не последнюю скрипку. И этому бы убийце вождя многие бы сказали «спасибо», сделали бы его героем, прославили бы на весь мир. Ведь это все равно, как если бы кому-то удалось убить какого-то реликта, например, снежного человека.

Конечно, и раньше, как я уже говорил, у некоторых людей возникали такие крайние соображения. И без загадок в жизни и смерти вождя не обошлось. И когда-нибудь о них станет известно. И вот последняя из них: появление живого товарища Сталина в этом доме. Это вообще станет величайшей сенсацией мира, конечно, при том условии, если это настоящий Сталин, а не какой-нибудь авантюрист, самозванец, которых у нас на Руси было более, чем достаточно. Об этом «явлении» раструбят все газеты мира, и я, таким образом, тоже войду в историю.

Руководители моего масштаба с огромным опытом работы должны обладать чувством предвидения. И оно, несмотря на мои сомнения в достоверности утверждения спавшего в кресле человека, подсказывало, что судьба действительно предоставила мне возможность стать свидетелем необыкновенной тайны. И по все видимости, думал я, на меня в скором времени будет возложена особая миссия.

Поразмыслив обо всем этом, я протянул руку к расслабленному плечу Иосифа Виссарионовича для того, чтобы разбудить его, но тут мне открылось нечто удивительное. Рука моя неожиданно уперлась в какую-то вязкую невидимую преграду примерно в метре от товарища Сталина. Я почувствовал сухое потрескивание, которое бывает при лечении токами Д'Арсенваля. Действовала невидимое мне мощное размыкающее поле, своеобразный энергетический за-слон, что не позволяло приблизиться к вождю. Так отталкиваются два магнита, когда их приближают одноименными полюсами. В эту минуту меня охватил неведомый ужас, и я отдернул руку, испытывая покалывание в пальцах.

Какие-то непонятные мне силы оберегали товарища Сталина. Я бы сравнил их с невероятными энергетическими силами кудесников, умеющих устанавливать невидимые барьеры, генерировать некие защитные поля и, с помощью психической энергии, останавливать или, наоборот, пускать в ход механизмы и средства передвижения.